

Теймуров Э.С.

О СООТНОШЕНИИ ПРИНЦИПОВ СПРАВЕДЛИВОГО И РАЗУМНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕСУРСОВ ПРЕСНОЙ ВОДЫ И СУВЕРЕНИТЕТА ГОСУДАРСТВА НА ЧАСТЬ ТРАНСГРАНИЧНОГО ВОДНОГО ОБЪЕКТА

Аннотация: В статье рассматриваются принципы справедливого и разумного использования ресурсов пресной воды и суверенитета государства на часть трансграничного пресноводного объекта, их историческое становление, нормативное закрепление и раскрытие содержания на универсальном и региональном уровнях, практика международных организаций и органов, отдельных государств, отечественная и зарубежная доктрина по данному вопросу. Особое внимание уделяется факторам определения справедливости и разумности использования вод и их взаимосвязи, международно-правовому регулированию соотношения различных видов использования пресноводных ресурсов. В качестве способов научного исследования выступили методы системного анализа и синтеза, аналогии, дедукции, индукции, абстрагирования, логический, исторический, сравнительно-правовой. В ходе исследования установлено, что принципы использования и охраны ресурсов пресной воды являются едиными для международных водотоков и трансграничных водоносных горизонтов. На примере рассматриваемых принципов показаны отсутствие иерархии среди основных начал использования пресноводных ресурсов, их гармоничная взаимосвязь. Справедливость использования означает максимально оптимальное распределение воды и благ от ее использования, а разумность – принятие мер по поддержанию и восстановлению водных ресурсов на уровне, обеспечивающем максимально возможное извлечение благ. Автор доказывает, что пресноводный объект как единство двух элементов – «резервуара» и пресной воды – подпадает под суверенитет государства в силу того, что «резервуар» представляет собой часть территории государства.

Ключевые слова: Насыщенные потребности человека, трансграничный водоносный горизонт, международный водоток, принципы использования воды, приоритетное использование водотока, суверенитет над водотоком, рациональное использование, пресная вода, справедливость использования водотока, разумность использования водотока.

Abstract: This article examines the principles of fair and rational use of fresh water resources and the right of a sovereign nation to a part of transboundary fresh waters, their historical establishment, statutorization and explanation of their content on universal and regional levels. A special attention is given to the factors of determination of fairness and rationality of the use of the waters and their interconnection, as well as the international legal regulation of the correlation between various types of use of fresh water resources. In the course of the research the author determined the principles of usage and protection of fresh water resources are unified for international waterways and transboundary watercourses. The fairness of usage means an optimal distribution of water, and rationality – passing measures on maintenance and restoration of water resources to the level that ensures maximal benefit from its usage. The author proves that a fresh water object falls under the sovereignty of a nation due to the fact that the “reservoir” represents a part of the territory of the country.

Keywords: Equitable use of a watercourse, freshwater, rational utilisation, sovereignty over the watercourse, priority of uses of a watercourses, principles for the use of water, international watercourse, transboundary aquifer, vital human needs, reasonable use of a watercourse.

Согласно положениям универсальных и региональных международных договоров и позициям ученых международно-правовое регулирование использования и охраны трансграничных водных ресурсов в настоящее время базируется в общей сложности более чем на двадцати принципах. В настоящей работе мы акцентируем внимание на правовом содержании и соотношении принципов справедливого и разумного использования водных ресурсов

и суверенитета государства на часть трансграничного пресноводного объекта.

Учитывая, что принципы использования и охраны трансграничных вод установлены как относительно международных водотоков, так и касательно водоносных горизонтов, представляется необходимым определиться с тем, являются ли это одними и теми же принципами, или речь идет о различных началах.

На наш взгляд, принципы использования трансграничных вод являются едиными. Как будет продемонстрировано ниже, их содержание практически идентично относительно использования и охраны поверхностных и подземных вод. На это указывает и то, что нормы Конвенции о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1997 г. (далее – Конвенция 1997 г.) [1] применимы к трансграничным водоносным горизонтам, связанным с поверхностными водами. Отличие сводится лишь к учету особенностей водоносных горизонтов, особенно, не связанных с поверхностными водами. В частности, относительно последних осуществлен отход от правила устойчивого использования в пользу максимизации долгосрочных выгод, т.к. привязка объема использования вод к количеству подпитки фактически означало бы запрет использования [2], а также необходимо учитывать вклад каждого государства в подпитку водоносных горизонтов при определении справедливости и разумности использования водоносного горизонта. О том, что начала использования поверхностных и подземных вод едины, также свидетельствуют Берлинские правила по водным ресурсам, принятые Ассоциацией международного права (далее – АМП) в 2004 г. [3]

Обращает на себя внимание и тот факт, что Комиссия международного права ООН (далее – КМП ООН) при работе над Проектами статей по праву трансграничных водоносных горизонтов 2008 г. (далее – Проекты статей 2008 г.) [4] сделала существенный упор на положения Конвенции 1997 г. Еще в 1993-1994 гг. Р. Розенсток, убежденный в применимости норм Проектов статей о праве несудоходных видов использования международных водотоков с незначительными поправками к «замкнутым» подземным водам, пытался добиться их включения в сферу действия Проектов [5], однако Комиссия приняла лишь Резолюцию по «замкнутым» подземным водам, не получившую в дальнейшем никакого продвижения в Генеральной Ассамблее ООН. Специальный докладчик КМП по праву трансграничных водоносных горизонтов Т. Ямада в своем первом же докладе отмечает: «Очевидно, что почти все принципы, закрепленные в Конвенции о праве несудоходных видов использования международных водотоков, также применимы к замкнутым трансграничным грунтовым водам» [6].

Кроме того, в международно-правовых исследованиях о принципах использования подземных вод, которые предпринимались с 70-х гг. прошлого столетия, авторы также исходили из положений международных договоров об использовании международных

рек и озер и национальных законодательств различных государств и указывали практически те же принципы – справедливого и разумного использования, непричинения вреда и др. [7]

Одним из фундаментальных принципов международного водного права является принцип справедливого и разумного использования трансграничных вод. Согласно данному принципу каждое из государств, разделяющих трансграничный водный объект, имеет равные права на его использование и обязано не нарушать права пользования других государств. Статья 5 Конвенции 1997 г. подчеркивает, что международный водоток используется и осваивается государствами водотока с целью достижения его оптимального и устойчивого использования и извлечения связанных с этим выгод.

Большую конкретизацию принцип справедливого и разумного использования получил в Проектах статей по праву трансграничных водоносных горизонтов 2008 г. Согласно ст. 4 Проектов 2008 г. справедливое и разумное использование означает: а) справедливое накопление каждым государством благ от использования трансграничных водоносных горизонтов; б) максимизацию долгосрочных благ от такого использования; в) разработку всеобъемлющих планов использования с учетом имеющихся и потенциальных потребностей и альтернативных источников воды; г) использование водоносных горизонтов в объемах, которые не препятствуют продолжению их эффективного функционирования.

Определенную критику со стороны ученых вызывает установление таких чрезвычайно емких и оставляющих место для различных спекуляций критериев как «разумное», «выгодное» и «оптимальное» использования [8], но, тем не менее, они представляют собой большую возможность для справедливого разрешения различных вопросов использования трансграничных ресурсов пресной воды.

КМП ООН в комментариях к Проектам статей о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1994 г. [9] и Проектам статей 2008 г., а также в доктрине международного права разъясняется, что следует понимать под справедливым и разумным использованием. Справедливое использование предполагает максимально оптимальное распределение воды и благ от использования трансграничного пресноводного объекта между государствами, на территории которых он расположен. Как отмечают А.Д. Тарлок и П. Воутерс (Великобритания), в международном праве осуществлен переход от справедливого распределения

к справедливому использованию, включающему не только распределение воды, но и связанных с ней выгоды, приводя в качестве примера сотрудничество США и Канады по трансграничным водным ресурсам[10].

При этом КМП особо подчеркивает, что «справедливое» не означает равное распределение благ или воды[11]. Распределение благ между странами – не математические их разделение пополам, а извлечение каждым государством максимальной выгоды при минимальном негативном эффекте. В связи с этим подвергается критике[12] утверждение Х. А. Барбериса (Аргентина) в рамках правовых исследований ФАО, согласно которому разумное распределение означает деление водных ресурсов пропорционально расположению частей водного объекта на территориях государств[13]. Справедливость использования трансграничного пресноводного объекта в каждом случае определяется индивидуально с учетом ряда факторов, неисчерпывающий перечень которых закреплен в Конвенции 1997 г., Проектах статей 2008 г., Пересмотренном протоколе Сообщества Развития Юга Африки по разделяемым системам водотоков 2000 г.[14] и других актах.

Разумность использования заключается в принятии мер по поддержанию и восстановлению водных ресурсов на уровне, обеспечивающем максимально возможное извлечение благ. Разумное использование раскрывается в пунктах b)-d) ст. 4 Проектов статей 2008 г. – максимизация долгосрочных благ от использования; разработка всеобъемлющих планов использования с учетом потребностей и альтернативных источников воды; использование водоносных горизонтов в экологически допустимых объемах[15].

Исходя из анализа международных договоров и документов, подготовленных по вопросам использования и охраны трансграничных вод в рамках различных международных организаций, не представляется возможным согласиться с мнением Д.А. Капонера (Италия) о том, что разумность использования основывается на естественных свойствах водотока, а справедливость – на обстоятельствах[16]. Относительно каждого трансграничного пресноводного объекта и разумность, и справедливость использования определяются с учетом ряда факторов, которые можно объединить в две группы – естественные и антропогенные. К числу первых относятся географические, гидрографические, гидрологические, климатические и другие естественные характеристики водного объекта, а также роль водотока или водоносного горизонта в связанных с ними

экосистемах. Антропогенными факторами являются социальные и экономические нужды населения; воздействие на виды использования в другом прибрежном государстве; существующие и потенциальные виды использования; сохранение, защита, освоение и экономичность использования водных ресурсов и принятие соответствующих мер; наличие альтернатив тому или иному виду использования; в случае с водоносными горизонтами – еще и вклад в их образование и подпитку.

В литературе подвергается критике порядок перечисления указанных факторов в Конвенции 1997 г. и Проектах статей 1994 г., в которых сначала обозначены естественные факторы, а после – антропогенные, в качестве прогресса рассматривается постановка на первое место в Проектах статей 2008 г. «зависимости населения государств от водоносного горизонта»[17]. Данная мысль, конечно, понятна с точки зрения современных тенденций развития международно-правовых норм относительно использования и охраны ресурсов пресной воды – смещения акцента в пользу прав человека и их обеспечения – однако она не соответствует действительности. Порядок перечисления факторов в тексте документа не имеет значения для определения приоритета какого-либо из них. Пункт 3 ст. 6 Конвенции 1997 г., пп. b п. 8 ст. 3 Пересмотренного протокола по разделяемым системам водотоков 2000 г., п. 2 ст. 3 Нью-Дельфийского Проекта Предложений по праву международных рек 1973 г. Азиатско-африканского правового консультативного комитета[18], п. 3 ст. 5 Хельсинских правил использования вод международных рек 1966 г.[19], п. 3 ст. 13 Берлинских правил по водным ресурсам 2004 г. устанавливают, что в каждом случае значение того или иного фактора определяется с учетом его важности по сравнению с другими факторами; разумность и справедливость использования вод определяется с учетом всех соответствующих факторов. Более того, КМП ООН в комментариях к Проектам статей 1994 г.[20] и Проектам статей 2008 г.[21] отмечала, что перечень этих факторов не исчерпывающий и не основан на определенном порядке приоритетности.

С принципом справедливого и разумного использования тесно связан вопрос о приоритетности того или иного вида использования трансграничных ресурсов пресной воды. Наличие в Конвенции 1997 г. отдельной статьи, устанавливающей отсутствие неотъемлемого приоритета какого-либо вида использования международного водотока перед другими видами, позволяет некоторым ученым сделать вывод о существовании самостоятельного принципа «взаимосвязи между различными видами использования»[22]

или «разумного совмещения различных видов деятельности государств на трансграничных водотоках при отсутствии приоритета какого-либо одного из них»[23]. С данной точкой зрения трудно согласиться. Вопрос о приоритете того или иного вида использования возникает лишь при коллизии этих видов, недостаточности водных ресурсов для удовлетворения всех потребностей пользователей. В подобных ситуациях п. 2 ст. 10 Конвенции 1997 г. приоритет отдан видам использования, направленным на удовлетворение насущных потребностей человека. При этом следует обратить внимание, что данная норма касается именно противоречий между различными видами использования как межгосударственных, так и внутригосударственных. Комиссия международного права в комментариях отмечает, что практически всегда в межгосударственных отношениях устанавливается приоритет видов использования[24]. Если обратиться к отечественному законодательству, то п. 5 ст. 3 Водного кодекса Российской Федерации (далее – ВК РФ) также устанавливает приоритет использования вод для питьевых и хозяйственно-бытовых целей[25]. Часть 4 ст. 43 ВК РФ устанавливает использование подземных вод исключительно для питьевых и хозяйственно-бытовых целей на территориях, в которых отсутствуют поверхностные воды. Положения о приоритете использования вод в питьевых и хозяйственно-бытовых целях также содержатся в ст.ст. 33, 50 Водного кодекса Республики Беларусь[26].

Вопросы приоритета отдельных видов использования стали актуальны для государств в начале XX в. в связи с развитием международно-правового сотрудничества по несудоходным видам использования международных рек и озер. Если в Конвенции об устройстве гидротехнических сооружений, затрагивающих интересы более чем одного государства» 1923 г. (ст. 8), Мадридской декларации Института международного права от 20.04.1911 г. «Международные правила по использованию международных водотоков для целей иных, чем судоходство» (пп. 4 п. 2), Декларации Панамериканского союза относительно промышленного и сельскохозяйственного использования международных рек 1933 г. (п. 5)[27] устанавливается приоритет использования водотоков для целей судоходства, то в международных актах второй половины XX в. и начала XXI столетия однозначно приоритетным является использование вод для удовлетворения питьевых и бытовых нужд человека.

Одним из первых международных договоров, в котором установлен приоритет использования ресурсов

пресной воды для удовлетворения питьевых и бытовых потребностей человека является Договор США и Канадой о пограничных водах 1909 г.[28] В статье VIII Договора 1909 г. установлена следующая приоритетность видов использования пограничных вод: а) для бытовых целей и санитарии; б) для судоходства; в) для энергетики и ирригации.

Приоритет использования трансграничных ресурсов пресной воды для удовлетворения питьевых и иных бытовых потребностей человека также установлен ст. 17 Проекта Европейской Конвенции о защите международных водотоков от загрязнения 1974 г., Декларации Европейской экономической комиссии ООН о политике по предупреждению и борьбе с загрязнением водных ресурсов, включая трансграничное загрязнение (решение В (XXV)) 1980 г.[29], ст. 5 Нью-Дельфийского Проекта Предложений по праву международных рек 1973 г. Хотя в Хельсинкских правилах 1966 г. установлено отсутствие приоритета какого-либо вида использования, уже в ст. 6 Мадридской резолюции 1976 г. об управлении международными водными ресурсами[30] АМП закрепляет преимущество бытового водопользования перед другими видами, а в ст. 14 Берлинских правил 2004 г. закрепляется первоначальность использования для удовлетворения насущных потребностей человека. В целом подобная ситуация соответствует и согласуется с современными тенденциями в области прав человека – стремлением признать право человека на воду в качестве одного из основных прав человека.

Таким образом, в международном праве отсутствует принцип «разумного совмещения различных видов деятельности государств на трансграничных водотоках при отсутствии приоритета какого-либо одного из них». Равнозначность различных видов водопользования при отсутствии коллизий и приоритет удовлетворения насущных человеческих нужд при возникновении противоречий фактически являются частью принципа справедливого и разумного использования.

В юридической литературе и позициях отдельных государств предпринимаются попытки установить иерархию принципов использования и охраны ресурсов пресной воды. В частности, подобные суждения касаются соотношения принципа справедливого и разумного использования водных ресурсов с принципом суверенитета на принадлежащую государству часть пресноводного объекта.

Наибольшей критике принцип суверенитета над частью пресноводного объекта подвергает в своих работах С. МакКафри (США), который видит в нем возвращение к абсолютной власти государства над

частью водного объекта, возврат к доктрине Хармона (США). В одной из работ он указывает, что Проекты статей 2008 г. привнесли новую и потенциально опасную концепцию суверенитета государств водотока на часть разделяемых подземных вод, а приведенная специальным докладчиком КМП практика государств по данному вопросу недостаточна для кодификации[31]. По образному выражению С. МакКаффри «первое предложение ст. 3 Проектов 2008 г. выпустило из бутылки джина суверенитета, а второе предложение не способно засунуть его обратно»[32].

Аналогичной позиции придерживается О. МакИнтаир (Великобритания). Ученый отмечает, что принцип справедливого и разумного использования основан на общности интересов, а не на суверенитете. Доктрина ограниченного территориального суверенитета лишь сужает сферу односторонних действий, тогда как общность интересов предполагает совместные действия[33].

С подобной критикой западных ученых трудно согласиться. Во-первых, именно из суверенитета государств на часть водного объекта возникают права и обязанности государств по его использованию и охране, их интерес, на который столь активно ссылаются С. МакКаффри и О. МакИнтаир. Ни у кого не вызовет сомнения, что правом устанавливать правовой режим использования и охраны трансграничных пресноводных объектов, а также участвовать в соглашениях о водотоке или водоносном горизонте обладают только государства, на территории которых они расположены. Пресноводный объект хотя бы частично должен находиться в пространственных пределах властвования государства, чтобы последнее могло определять его правовой режим.

Во-вторых, принцип суверенитета государства на часть международного водотока или трансграничного водоносного горизонта не является новеллой Проектов статей 2008 г. Суверенитет – неотъемлемый признак государства, который подразумевает верховенство на своей территории и независимость во внешних делах. Признаком трансграничных пресноводных объектов является их расположение или пересечение территории двух или более государств. Таким образом, суверенитет государства на свою часть трансграничного пресноводного объекта логически вытекает из того факта, что эта часть входит в состав территории государства, а на своей территории государства обладают полным верховенством.

Наличие суверенитета на часть трансграничного пресноводного объекта не вызывает сомнения у отечественных исследователей[34]. Так, М.А. Косарева,

разделяя мнение В.А. Чичварина, считает невозможным распространение суверенитета на трансграничные природные ресурсы. В случае признания суверенитета над трансграничными природными ресурсами на один и тот же ресурс распространялся бы суверенитет нескольких государств, что противоречит понятию суверенитета. Водные ресурсы являются динамичными и постоянно пересекают границы государств, т.е. суверенитет над ними меняется независимо от воли государств, что, по мнению ученого, также не укладывается в понимание суверенитета[35].

О. МакИнтаир отмечает, что, несомненно, государство обладает суверенитетом на часть дна реки, но подобное положение не включено в Конвенцию 1997 г., в случае с водотоками соответственно суверенитет распространяется на геологическую формацию, а не на воду[36].

Трансграничные пресноводные объекты состоят из двух элементов – гидрологической системы резервуаров (реки, озера, каналы, водохранилища, водоносные горизонты) и содержащейся в них пресной воды. Указанные «резервуары» составляют часть территории государства, соответственно находятся под суверенитетом государства. В отношении содержащихся в трансграничных реках, озерах, каналах, водоносных горизонтах ресурсов пресной воды государства осуществляют суверенные права, что означает возможность государством независимо использовать эти ресурсы в пределах, которые не нарушают права других государств, разделяющих пресноводный объект. Однако в литературе высказывается мнение о том, что трансграничные природные ресурсы, включая воду, не могут быть присвоены в одностороннем порядке, их использование осуществляется на основе принципа общего пользования[37]. На наш взгляд, данное утверждение противоречит самой сущности государственного суверенитета. Постановка возможности одним государством использовать водные ресурсы международного водотока или трансграничного водоносного горизонта в зависимости от согласия другого прибрежного государства в большинстве случаев означало бы запрет использования. По данным ООН в настоящее время в 157 из 263 международных водотоков не осуществляется сотрудничество[38], не говоря уже о трансграничных водоносных горизонтах. Конечно, данная ситуация негативно сказывается на состоянии водных объектов, однако она не противоречит действующим нормам международного права. Использование трансграничных пресноводных объектов без сотрудничества прибрежных государств само по себе не делает такое

использование несправедливым и неразумным. Оно становится таковым только в том случае, когда в результате одностороннего использования ресурса другое государство, разделяющее общий ресурс, лишается или ограничивается в возможности использовать его в той же степени.

Довод о том, что водные ресурсы находятся в перманентном движении и выбывают из-под действия суверенитета государства помимо воли последнего, соответственно невозможно говорить о суверенитете над ними, по нашему мнению, также несостоятелен. Действительно, вода в международных водотоках и водоносных горизонтах находится в постоянном движении и пересекает границы прибрежных государств. Однако, несмотря на постоянный поток, вода в трансграничном водном объекте в различные периоды времени всегда находится на том или ином уровне. Как объект суверенных прав она не характеризуется индивидуально-определенными признаками. Государство имеет право пользоваться и распоряжаться той частью воды, которая находится на его территории, с учетом факторов справедливого и разумного использования.

При определении своей части вод государства должны также учитывать нормы экологического пропускa, т.е. минимума воды, наличие которого в водном объекте необходимо для нормального функционирования экосистемы и предотвращения ее деградации. Удовлетворение потребностей государств в водных ресурсах за счет экологического пропускa не допускается. Представляется необходимым более активное включение в соглашения по использованию и охране пресноводных ресурсов положений об экологическом пропускe. В действующих договорах экологический пропуск определяется сезонно[39] либо постоянно, непрерывно[40].

На наш взгляд, одним из наиболее удачных примеров нормативного закрепления порядка распределения водных ресурсов с учетом экологического пропускa являются нормы Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Азербайджанской Республики о рациональном использовании и охране водных ресурсов трансграничной реки Самур от 03.09.2010 г.[41] Соглашением установлен экологический пропуск в объеме равном 30,5 %. Водные ресурсы за вычетом экологического пропускa подлежат делению между государствами в равных долях[42]. Вододеление осуществляется посуточно, а планирование объемов вододеления и экологического пропускa осуществляется подекадно с учетом складывающейся водохозяй-

ственной ситуации и потребностей сторон. В случае если одно из государств не использовало свою долю, другое может по согласованию с первым осуществить дополнительный водозабор. Как видно из указанных положений Соглашения по реке Самур, государства определяют минимально необходимый уровень воды для существования гидросистемы реки и возможные лимиты водозабора, учитывая при этом динамичность, непостоянство экосистемы.

Неоправданными являются попытки установить иерархию принципов использования и охраны ресурсов пресной воды. Подобные суждения в основном сводятся к обоснованию преобладающего характера принципа справедливого и разумного использования, или непричинения значительного вреда, или же принципа государства суверенитета на часть трансграничного водного объекта. О. МакИнтаир отмечает, что постановка на первое место принципа суверенитета государства на часть водоносного горизонта в Проектах статей 2008 г. устанавливает его приоритет над принципом справедливого и разумного использования. Подобные суждения являются ошибочными и не находят своего нормативного подтверждения. Ни один из действующих международных договоров или иных актов, регулирующих вопросы использования и охраны ресурсов пресной воды, не устанавливает иерархию содержащихся в них норм. Сложившиеся принципы использования и охраны трансграничных вод не вступают в противоречия между собой, дополняют друг друга. Как было показано выше на примере принципов суверенитета государства на часть трансграничного водного объекта и справедливого и разумного использования, первый – вытекает из основных принципов международного права и самой сущности государства, тогда как второй – устанавливает правовые рамки, способствующие максимально эффективному использованию водных ресурсов при уважении суверенных прав прибрежных государств и сохранении водной среды.

Подводя итоги, следует отметить, что принципы использования и охраны трансграничных вод являются едиными для международных водотоков и водоносных горизонтов и применяются с учетом особенностей последних.

Принцип справедливого и разумного использования водных ресурсов является одним из краеугольных принципов международного водного права. Государства имеют равные права по использованию трансграничного пресноводного объекта. При этом справедливость использования означает максимально оптимальное, но не обязательно равное распределение воды и благ от ее

использования, а разумность – принятие мер по поддержанию и восстановлению водных ресурсов на уровне, обеспечивающем максимально возможное извлечение благ. В каждом случае они определяются с учетом ряда естественных и антропогенных факторов.

В международном праве установлен приоритет использования пресноводных ресурсов для удовлетворения насущных потребностей человека, т.е. для питья, хозяйственно-бытовых нужд и производства продовольствия, что также соответствует последним тенденциям в области международного права прав человека.

Принцип суверенитета государства на часть трансграничного водного объекта вытекает из основных принципов международного права и сущности государства. Пресноводный объект как единство двух элементов – «резервуара» и пресной воды – подпадает под

суверенитет государства в силу того, что «резервуар» представляет собой часть территории государства, т.е. находится в сфере его властвования, соответственно государство обладает суверенными правами относительно содержащейся в нем воды, несмотря на ее текучий характер.

Каждый из принципов использования и охраны ресурсов пресной воды обладает своим содержанием и гармонично связан с иными принципами. В частности, следствием принципа суверенитета государств свою на часть пресноводного объекта является возможность устанавливать правовой режим его использования и охраны. При этом, учитывая суверенное равенство государств и общность их интереса в использовании ресурса, они обязаны использовать его справедливым и разумным образом.

Библиография:

1. Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков от 21 мая 1997 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercrs.shtml (дата обращения: 01.07.2015 г.).
2. Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят восьмой сессии: док. ООН А/61/10. Нью-Йорк: ООН, 2006. С. 210.
3. International Law Association Committee on Water Resources Law (2004). Fourth Report, Berlin Conference (2004).
4. Проекты статей по праву трансграничных водоносных горизонтов с комментариями // Доклад Комиссии международного права о работе ее шестидесятой сессии: док. ООН А/63/10. Нью-Йорк: ООН, 2008. С. 18-85.
5. Yearbook of the International Law Commission. 1993. Vol. II. Part 1. pp. 179-185. Yearbook of the International Law Commission. 1994. Vol. II. Part 1. pp. 113-128.
6. Yearbook of the International Law Commission. 2003. Vol. II. Part 1. P. 123.
7. Barberis J.A. International groundwater resources law (FAO legislative study 40). Food & Agriculture Org., 1986. pp. 74. Caponera D.A. Principles for International groundwater law // Natural Resources Journal Vol. 18, 1978, pp. 589-619. Fuentes X. The Utilization of International Groundwater in General International Law (chapter 8) // The Reality of International Law: Essays in Honour of Ian Brownlie / Guy S. Goodwin-Gill and Stefan Talmon. Oxford, Carendon press, 1999. pp. 177-198. Zaharia F. The Law of Transboundary Aquifers in Practice – the Mures Alluvial Fan Aquifer System (Romania / Hungary) // International Community Law Review Vol. 13, 2011, pp. 291-304.
8. Caponera D.A. Op. Cit. P. 603.
9. Draft Articles on The Law of the Non-Navigational Uses of International Watercourses // Yearbook of the International Law Commission. 1994. Vol. II. Part 2. pp. 89-135.
10. Tarlock A.D., Wouters P. Are Shared Benefits of International Waters an Equitable Apportionment? // Colorado Journal of International Environmental Law & Policy Vol. 18, 2007, pp. 525-527. Dombrowsky I. Revisiting the potential for benefit sharing in the management of trans-boundary rivers // Water Policy Vol. 11, 2009, pp. 125-126.
11. Yearbook of the International Law Commission. 1994. Vol. II. Part 2. P. 97. Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят восьмой сессии: док. ООН А/61/10. Нью-Йорк: ООН, 2006. С. 209.
12. Fuentes X. Op. Cit. pp. 186-187.
13. Barberis J.A. Op. Cit. P. 51.
14. Revised Protocol on Shared Watercourses 07 August 2000. URL: http://www.sadc.int/files/3413/6698/6218/Revised_Protocol_on_Shared_Watercourses_-_2000_-_English.pdf (дата обращения: 01.07.2015 г.).
15. Доклад Комиссии международного права о работе ее шестидесятой сессии: док. ООН А/63/10. Нью-Йорк: ООН, 2008. С. 45.
16. Caponera D.A. Patterns of Cooperation in International Water Law: Principles and Institutions // Natural Resources Journal Vol. 25, 1985, P. 567.
17. McIntyre O. International Water Resources Law and the International Law Commission Draft Articles on Transboundary Aquifers: A Missed Opportunity for Cross-Fertilisation? // International Community Law Review Vol. 13, 2011, P. 245.
18. Food and Agriculture Organization of the United Nations. Development Law Service. Sources of International Water Law FAO legislative study 65. Food & Agriculture Org., 1998. pp. 212-215.
19. The Helsinki Rules on the Uses of International Rivers 1966. URL: http://www.unec.org/fileadmin/DAM/env/water/meetings/legal_board/2010/annexes_groundwater_paper/Annex_II_Helsinki_Rules_ILA.pdf (дата обращения: 01.07.2015 г.).

20. Yearbook of the International Law Commission. 1994. Vol. II. Part 2. P. 101.
21. Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят восьмой сессии: док. ООН А/61/10. Нью-Йорк: ООН, 2006. С. 212.
22. Бекашев К.А. Правовой режим международных водотоков // Lex Russica. 2009. № 2. 2009. С. 479.
23. Махкамбаев С.Д. Международно-правовое регулирование сотрудничества государств по использованию трансграничных водных ресурсов в регионе Центральной Азии: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 227 с.
24. Yearbook of the International Law Commission. 1994. Vol. II. Part 2. P. 110.
25. Водный Кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 г. № 74-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 23. Ст. 2381.
26. Водный Кодекс Республики Беларусь от 30.04.2014 г. № 149-3 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2014. № 21.
27. Food and Agriculture Organization of the United Nations. Development Law Service. Sources of International Water Law FAO legislative study 65. Food & Agriculture Org., 1998. pp. 21-202.
28. Вылегжанин А.Н. Управление водными ресурсами России: международно-правовые и законодательные механизмы: монография / А.Н. Вылегжанин, Л.В. Савельева и др.; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. междунар. права. – М.: МГИМО-Университет, 2008. С. 92.
29. Food and Agriculture Organization of the United Nations. Development Law Service. Sources of International Water Law FAO legislative study 65. Food & Agriculture Org., 1998. pp. 56-63.
30. Ibid. pp. 306-311.
31. de Chazournes L.B. Freshwater and International Law. Edward Elgar Publishing Limited, 2013. P. 132.
32. McCaffrey S. The Law of International Watercourses. 2nd ed. Oxford University Press, 2007. P. 291.
33. McIntyre O. Op. Cit. pp. 249-253.
34. Гуреев С.А., Тарасова И.Н. Международное речное право: Учебное пособие / под ред. С. А. Гуреева. – М.: Юридическая литература, 2004. С. 36-50. Некотенева М.В. Правовые проблемы использования международных водотоков: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 47-62. Махкамбаев С.Д. Указ. соч. С. 86-94.
35. Косарева М.А. Трансграничные природные ресурсы в международном праве: понятие, статус, режим: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 69-78.
36. McIntyre O. Op. Cit. P. 249.
37. Косарева М.А. Указ. соч. С. 33.
38. Доклад о развитии человека 2006 «Что кроется за нехваткой воды: Власть, бедность и глобальный кризис водных ресурсов». М.: «Весь Мир», 2006. С. 222.
39. Agreement on the cooperation for the sustainable development of the Mekong river basin 5 April 1995. URL: <http://www.mrcmekong.org/assets/Publications/policies/agreement-Apr95.pdf> (дата обращения: 01.07.2015 г.).
40. Treaty relating to cooperative development of the water resources of the Columbia River Basin 17 January 1961. URL: <http://faolex.fao.org/docs/pdf/bi-145062.pdf> (дата обращения: 01.07.2015 г.).
41. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Азербайджанской Республики о рациональном использовании и охране водных ресурсов трансграничной реки Самур от 03.09.2010 г. URL: http://www.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/12B142813CAE27AA43257E6800415F32 (дата обращения: 01.07.2015 г.).
42. В договорной практике государств имеются примеры водodelения в иных пропорциях. Согласно Положению по совместному использованию водных ресурсов в бассейне реки Чу 1983 г. Казахстану предоставлено 42 % вод, Кыргызстану – 58%.

References (transliterated):

1. Barberis J.A. International groundwater resources law (FAO legislative study 40). Food & Agriculture Org., 1986. pp. 74. Caponera D.A. Principles for International groundwater law // Natural Resources Journal Vol. 18, 1978, pp. 589-619. Fuentes X. The Utilization of International Groundwater in General International Law (chapter 8) // The Reality of International Law: Essays in Honour of Ian Brownlie / Guy S. Goodwin-Gill and Stefan Talmon. Oxford, Carendon press, 1999. pp. 177-198. Zaharia F. The Law of Transboundary Aquifers in Practice – the Mures Alluvial Fan Aquifer System (Romania / Hungary) // International Community Law Review Vol. 13, 2011, pp. 291-304.
2. Caponera D.A. Op. Cit. P. 603.
3. Tarlock A.D., Wouters P. Are Shared Benefits of International Waters an Equitable Apportionment? // Colorado Journal of International Environmental Law & Policy Vol. 18, 2007, pp. 525-527. Dombrowsky I. Revisiting the potential for benefit sharing in the management of trans-boundary rivers // Water Policy Vol. 11, 2009, pp. 125-126.
4. Fuentes X. Op. Cit. pp. 186-187.
5. Barberis J.A. Op. Cit. P. 51.
6. Caponera D.A. Patterns of Cooperation in International Water Law: Principles and Institutions // Natural Resources Journal Vol. 25, 1985, P. 567.
7. McIntyre O. International Water Resources Law and the International Law Commission Draft Articles on Transboundary Aquifers: A Missed Opportunity for Cross-Fertilisation? // International Community Law Review Vol. 13, 2011, P. 245.
8. Bekyashev K.A. Pravovoi rezhim mezhdunarodnykh vodotokov // Lex Russica. 2009. № 2. 2009. S. 479.

9. Makhkambaev S.D. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie sotrudnichestva gosudarstv po ispol'zovaniyu transgranichnykh vodnykh resursov v regione Tsentral'noi Azii: Diss. ... kand. yurid. nauk. M., 2011. 227 s.
10. Vylegzhanin A.N. Upravlenie vodnymi resursami Rossii: mezhdunarodno-pravovye i zakonodatel'nye mekhanizmy: monografiya / A.N. Vylegzhanin, L.V. Savel'eva i dr.; Mosk.gos.in-t mezhdunar.otnoshenii (un-t) MID Rossii, kaf. mezhdunar.prava. – M.: MGIMO-Universitet, 2008. S. 92.
11. Ibid. pp. 306-311.
12. de Chazournes L.B. Freshwater and International Law. Edward Elgar Publishing Limited, 2013. P. 132.
13. McCaffrey S. The Law of International Watercourses. 2nd ed. Oxford University Press, 2007. P. 291.
14. McIntyre O. Op. Cit. pp. 249-253.
15. Gureev S.A., Tarasova I.N. Mezhdunarodnoe rechnoe pravo: Uchebnoe posobie / pod red. S. A. Gureeva. – M.: Yuridicheskaya literatura, 2004. S. 36-50. Nekoteneva M.V. Pravovye problemy ispol'zovaniya mezhdunarodnykh vodotokov: Diss. ... kand. yurid. nauk. M., 2008. S. 47-62. Makhkambaev S.D. Ukaz. soch. S. 86-94.
16. Kosareva M.A. Transgranichnye prirodnye resursy v mezhdunarodnom prave: ponyatie, status, rezhim: Diss. ... kand. yurid. nauk. M., 2008. S. 69-78.
17. McIntyre O. Op. Cit. P. 249.
18. Kosareva M.A. Ukaz. soch. S. 33.